ЕЛКА ВЪ ДЕРЕВНѢ

За деревней, верстахъ въ двадцати отъ Москвы, собралась куча дѣвочекъ, всѣ съ кузовками; онѣ сговорились идти въ лѣсъ по грибы. Осень стояла теплая, между зеленью пестрѣли красные и желтые листья, влажная и еще теплая земля готова была принять новыя сѣмена и заботливо сберечь ихъ до будущей весны.

Ребятишки рѣзвились, шалили, то сходились въ кучу, то шли въ разсыпную. — Давайте–ка съ пѣснями по грибы, сказала одна изъ самыхъ бойкихъ дѣвчонокъ, — давайте, какъ заправскія дѣвки — пойдемъ всѣ рядышкомъ, да запоемъ поголосистѣе!

— Такъ что же, давайте пѣть, дружно отозвалось нѣсколько голосовъ. — Запѣвай, Дуня, али ты, Стеша! Одна изъ бойкихъ дѣвочекъ запѣла:

Ужь какъ вздумалъ грибъ,

Загадалъ боровикъ,
Подъ дубочкомъ сидючи,
На всѣ грибы глядючи,
Сталъ онъ сказывать,
Сталъ приказывать:
Приходите вы бѣлянки ко мнѣ на войну…

Дѣвочка тянула пѣсню одна, къ ней никто не приставалъ, видимо пѣсня эта никому не полюбилась.

— Ну, ужь затянула какую, не суразну, да не складну, сказала Санька, дергая за рукавъ запѣвальщицу Стешу.

Стеша смолкла; дѣвочки заспорили о выборѣ пѣсни.

— Давайте споемъ заиньку, сказала Дуня подбоченясь и приплясывая. — Ну, ужь легко ли что, заиньку, замѣтили нѣкоторыя съ небреженьемъ.

— Запоемте про сѣрыхъ гусей, сказала крошка Даруша.

Озарница Санька размахнулась и мазнула ее пальцемъ по губамъ, прибавивъ: — вотъ тебѣ сѣрый гусь!

— Ну что, озарничаешь! вступилась Стеша.

Санька увернулась, и поднявъ что–то съ земли, зажала въ рукѣ, крича: дѣвки, дѣвки, а я бѣлый грибъ нашла.

— Вретъ! равнодушно сказали дѣвочки, зная обычай Саньки обманывать и дразнить, и, не обращая вниманія на ея находку, пошли въ лѣсъ. Постоявъ немного, Санька бросилась вслѣдъ за ними, и первую она догнала Дарушу. — Даруша, вотъ тебѣ грибокъ, говорила она, насильно суя ей что–то въ руки: грибокъ отдай мамкѣ, она тебѣ изжаритъ его въ маслицѣ.

Даруша была дѣвочка тихая, смышленая; поглядѣвъ въ руку, она узнала и по осязанію и по виду что это не грибъ, а еловая шишка. Даруша и прежде игрывала ими, и теперь также занялась гладенькою чешуйчатою шишечкой, стала колупать чешуйки, и гдѣ не брали ея ногти, тамъ помогали острые зубы; дѣвочкѣ удалось выгрызть одну чешуйку, оттуда упало на землю сѣмячко, она поковыряла еще, и изъ этой ячейки выпало также сѣмячко, а босыя

ноженки притоптали ихъ къ сырой землѣ. Дѣвочка шла ковыряя шишку, трясла ее, прикладывала къ уху, слушала какъ гремѣли въ ней сѣмечки, заглядывала въ каждую вновь открытую ячейку, а между тѣмъ подруги ее далеко ушли впередъ и согласно пѣли:

Какъ пошли наши подружки въ лѣсъ по ягоды гулять.

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, въ лѣсъ по ягоды гулять.

По черную по черничку, по красную земляничку,

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, по красную земляничку.

Онѣ ягодъ не набрали, а подружку потеряли,

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, а подружку потеряли!

Какъ любимую подружку, Катеринушку,

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, Катеринушку.

Не въ лѣсу–ли заблудилась, не въ травѣ–ли заплелась,

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, не въ травѣ–ли заплелась?

Кабы въ лѣсѣ заплуталась, то бы лѣсы приклонились.

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, то бы лѣсы приклонились;

Кабы въ травѣ заплелась, трава–бъ шелкомъ повилась.

Сѣю, вѣю–вѣю–вью, трава–бъ шелкомъ повилась…

— А, батюшки, да гдѣ же у насъ Дарушка, спросила спохватясь запѣвальщица Стеша, которая выпросила ее съ собою по грибы.

— Гдѣ! отозвалась Санька, — вѣстимо гдѣ: ее волкъ унёсъ, я сама видѣла какъ онъ тащилъ ее; право видѣла, теперь ужь, чай, онъ далеко уволокъ ее, пожалуй ужь и съѣлъ совсѣмъ, и съ косточками. Одна изъ легковѣрныхъ слушательницъ взвыла со страху и жалости. — Да ну тебя совсѣмъ! крикнули дѣвочки на Саньку; Стеша же побѣжала отъискивать Дарушу, которая шла шагъ–за–шагомъ, забавляясь шишечкой.

Много сѣмечекъ легло по пути подъ слѣды дѣвочки, много ихъ притоптано къ сырой землѣ.

— Ау, ау, Даруша, ау! аукала Стеша; услыхавъ зовъ, дѣвочка отаукнулась, перекусила еще разъ шишку, перекинула ее черезъ голову за себя и побѣжала къ Стешѣ.

Долго бродила толпа дѣвочекъ по лѣсу; онѣ брали грибы, шалили, въ разныхъ мѣстахъ слышалось ихъ звонкое ауканье, а къ вечеру тутъ и тамъ по избамъ топились печи и жарились грибы; дѣвочки разсказывали дома, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ кто изъ нихъ собиралъ, хвастались другъ передъ дружкой бѣлыми грибами, какъ лучшей находкой; ихъ отобрали и, пронизавъ на нитки, повѣсили сушить для продажи; черные грибы, то есть подосиновики и березовики, повѣсили сушить, но про свой обиходъ; а разноцвѣтные съ рубчатымъ исподомъ сыроѣжки, волнушки, да жирные масленики попали прямо на сковороды. Вернувшись домой, Санька разсказывала, какъ она

набрала полонъ кузовъ однихъ только бѣлыхъ грибовъ и уже несла ихъ домой, да вдругъ изъ за кустовъ схватилъ ее сѣрый волкъ; она со страху просыпала грибы, а сама, вырвавшись, прибѣжала домой! — Ужь и горазда же у васъ дѣвка–то врать, сказала старушка сосѣдка; — помяните мое слово, что пути изъ вашей Саньки не будетъ! Не весело было матери слушать такія рѣчи о своей дочери, но она не считала важнымъ, что Санька ея, какъ говорится, походя врала, и на всѣ сторонніе упреки отвѣчала: молода еще, не замай ее — тѣшится!

Солнышко сѣло, грибы пожарили и съѣли, ребятишки, помолясь Богу, улеглись, за ними отправились и старшіе; всѣ заснули на деревнѣ, и люди и скотъ, только чуткія собаки сторожко дремлятъ по дворамъ. Все, что живетъ днемъ, заснуло, ночныя же животные встали и пошли по дѣламъ своимъ; проснулись мыши и пошли домовничать по избамъ, по клѣтямъ и житницамъ, забѣгали по полю зайчики, проснулись и поднялись волки, залетали совы; тихо во тьмѣ стоятъ деревья,

запоздалые осенніе цвѣты сомкнулись и, понуря головки, словно задремали надъ землей. Что же дѣлаютъ Дарушины крошечныя еловыя сѣмечки? Онѣ плотно прилегли къ матери землѣ, и еще долго–долго такъ пролежатъ; на нихъ посыплется древесный листъ, сверху засыплетъ ихъ снѣгомъ, и пролежатъ они такъ свой срокъ, доколѣ не прійдетъ пора, и каждое сѣмя взойдетъ и, по слову Божьему, выростетъ деревомъ по роду своему.

Но развѣ изъ каждаго сѣмечка выходитъ подобное ему растеніе? Выходитъ ихъ каждаго спѣлаго зернышка, если только не помѣшаютъ ему люди или скотъ, или не склюетъ его птица. Наши сѣмечки благополучно пролежали зиму, когда же Богъ послалъ солнышко, чтобы пригрѣть землю, снѣгъ растаялъ, ушелъ водою въ землю, налились почки на деревьяхъ, изъ–подъ ветоши стала пробиваться молодая травка, то пришла пора подняться и ельничку; сѣмя разбухло, темная кожурка лопнула, изъ нея показалась пригнутая на бокъ зеленая кисточка, солнышко взошло,

освѣтило и пригрѣло растенье, и согнутыя кисточки выпрямились и потянулись къ солнцу; но какъ ни тянулись онѣ, а все–таки высокая лѣсная трава далеко обогнала и переросла ихъ. Маленькія елочки росли себѣ, что называется ниже травы, тише воды; кромѣ мошекъ да букашекъ никто про нихъ и не зналъ, никто и не слыхалъ; сочныя кисточки вытянулись въ султанчики, съ боковъ у султанчиковъ показались еще новыя кисточки, изъ которыхъ послѣ выдутъ боковыя вѣтки; изъ часу въ часъ, изо дня въ день, тихонько и весело ростутъ Дарушины елочки, на нихъ сквозь траву льется дождь, сквозь нее же ихъ грѣетъ солнышко, весело ростутъ онѣ, потому что ростутъ въ порядкѣ, по слову Божью: на пользу Его творенью. Всему созданію опредѣлено свое дѣло или своя польза, но лучше всѣхъ и полезнѣе всего должно бы быть дѣло человѣка, какъ лучшаго и разумнѣйшаго изъ твореній Божьихъ. Прошло лѣто, деревья пожелкли, трава прилегла къ землѣ, но уже не покрыла

елочекъ, ихъ засыпало однимъ сухимъ листомъ да рыхлымъ снѣгомъ.

Случилось на счастье молодаго ельника, что крестьяне вздумали перенести выгонъ на другое мѣсто, а прежній выгонъ вспахали и обнесли околицею, такъ что по дорогѣ не стало ни ходу, ни ѣзды; вотъ и ростетъ Дарушина просадь въ этомъ затишьи; проходятъ годъ за годомъ, скотъ его не топчетъ и не ломаетъ, люди почти ни заглядываютъ, потому что песчаный бугоръ, гдѣ стоитъ старая ель, мѣсто голое, нѣтъ на немъ ни земляники, ни орѣшника, да и грибы тамъ плохо родятся, не по что туда ходить; изрѣдка развѣ забредетъ въ ту сторону лекарка, но она не помѣха: бережно обходитъ старуха деревья, съ молитвой обираетъ около нихъ травы, усталая спуститъ съ плечъ пучки зелья и сядетъ, прислонясь къ своей старой ели, поглядитъ любовно и на небо и на землю, вздохнетъ и задумается, и думаетъ она о томъ, что всякой–то букашкѣ, всякой травиночкѣ есть свое мѣсто, и что все–то на Божьемъ свѣтѣ по Божьей волѣ стоитъ, и долго

задумавшись сидитъ она подъ старой елью; въ ногахъ у нея суетятся муравьи, ползаютъ Божьи коровки, перекликаются въ травѣ кузнечики, мотаются взадъ и впередъ пестрыя бабочки, а надъ головою печально кукуетъ кукушка; еще выше, въ поднебесьи радостно заливается жаворонокъ.

Случилось и Дарушѣ забрести на свой ельничекъ; она только попрыгала подъ молодыми елками, да порвала ландышу: ей и въ голову не пришло, что ели эти выросли изъ сѣмечекъ, которыя она пять лѣтъ тому назадъ разсыпала; тогда Даруша сама была шестилѣтнимъ ребенкомъ, а теперь ей уже одиннадцать лѣтъ, и она стала сметливой, разумной дѣвочкой и хорошей помощницею матери своей, не такъ какъ двѣнадцати–лѣтній братъ ея, Карпушка, который работаетъ съ отцемъ когда захочетъ, а не захочетъ, такъ и пальцемъ не шевельнетъ; за то отецъ и мать часто его журятъ, въ дочери же, что называется, они души не слышатъ. Даруша знаетъ, что должна помогать родителямъ, и потому она любитъ трудиться: Карпушка же вѣтренъ и лѣнивъ.

Былъ у Дарушки еще девяти–лѣтній братъ, Ваня, да четырехъ–лѣтній Сёма, послѣдній только и зналъ, что пить, ѣсть, играть да спать, а Ваня, любимецъ матери, всегда былъ при ней на послугахъ и съ сестрою жилъ душа въ душу: въ трудномъ крестьянскомъ быту миръ до согласіе всего дороже, про это сложилась и поговорка: «не тѣснота губитъ, а лихота». Жизнь крестьянина — забота изо–дня въ день; весну, лѣто и осень порядочный, не пьяный мужикъ работаетъ съ женою отъ утренней зари до вечерней: подумаешь, зимою отдохнетъ онъ, но и зимой своя забота: высушить и обмолотить хлѣбъ, смолоть его въ муку, навозить сѣна, нарубить и навозить дровъ, а снѣгъ валитъ себѣ да валитъ, не поспѣваешь прорыть проходы по двору отъ одной ухожи до другой. Пословица говоритъ: «мужикъ да собака на дворѣ, а кошка да баба въ избѣ», и въ избѣ у бабы зимой работы не мало; кромѣ стряпни, она готовитъ ленъ, мыкаетъ изъ него мочки, прядетъ ихъ, потомъ изъ пряжи тчетъ холсты и обшиваетъ всю семью. Такъ–то

идетъ въ деревнѣ день за днемъ и несетъ свою заботу, а случается и такъ, что въ одночасье выпадетъ такая бѣда, какой недѣлями не исправишь, какъ это сбылось на дняхъ надъ Иваномъ, Дарушинымъ отцомъ. Купилъ онъ въ домъ саженъ пять березовыхъ дровъ, чтобы свезти ихъ въ Москву на базаръ и взять барыша по рублю на сажень; гадалъ–то онъ такъ, а вышло инако! Лишь всталъ онъ съ возами на базаръ, какъ налетѣло на него человѣка три кулаковъ, или прасоловъ, которые по большей части живутъ плутовствомъ, скупая товаръ и не платя за него денегъ; — тутъ же перепродаютъ его, везутъ, съ настоящими хозяевами, на мѣсто, впередъ ихъ хватаютъ деньги, дѣлятъ, обсчитываютъ ихъ и уходятъ съ бранью и съ поживою. Вотъ такая–то бѣда нашла на нашего Ивана: разбранясь съ кулакомъ, онъ сосчиталъ деньги и увидалъ, что ихъ даже не достаетъ на то, чтобы заплатить за дрова свою цѣну, а ужь о барышахъ и думать нечего. Праздникъ на дворѣ, а въ корманѣ ни гроша, да еще на ту пору родилась дочка,

надо имя давать, надо крестить! Крѣпко задумался мужикъ, что дѣлать, и ума не приложитъ.

— Танюша, не продать ли намъ возокъ сѣнца, спрашиваетъ онъ, поглядывая на печку, гдѣ лежала больная.

— Господь съ тобою, Тихонычъ! Теперь продадимъ, а постомъ въ три дорога купимъ! — отвѣчала ему жена.

— Да что–же дѣлать станешь! Безъ денегъ не обойдемся, возразилъ Иванъ.

— Богъ милостивъ, утѣшала его жена, — какъ нибудь пробьемся, за крестины батюшка на насъ подождетъ....

— А чѣмъ послѣ завтра разговляться станемъ?

— Чѣмъ? Извѣстно чѣмъ: молочной кашицей, да ватрушками, да щами съ подбѣлкой, плохо–ли дѣло, какъ во щи сметанки побольше положишь...

— Мама, а мясца–то? плаксиво спросилъ Карпушка.

— И — и сынокъ, поѣшь горяченькихъ щецъ съ подбѣлкой, такъ и не расчуешь, что онѣ безъ мяса!

Татьянѣ удалось всѣхъ успокоить. Иванъ, повеселѣвъ, вздумалъ пошутить съ Дарушей: — Ну, сказалъ онъ, — красно ты баешь, жена, а подбѣлка супроти мяса не будетъ, развѣ вотъ что, не заколоть ли Дарушину рябушечку, прибавилъ онъ, ища глазами дочери. — Даруша, Дарья Ивановна, что тебя не видать?

— Я здѣсь, глухо откликнулась дѣвочка.

— Ну, ладно, коли тутъ; а я вотъ говорю матери, не заколоть–ли къ разговѣнью рябушечку?

Даруша стояла за очень труднымъ дѣломъ, она мѣсила квашню, а дѣло это таково, что и взрослому человѣку приходится за нимъ постоять до устали; одиннадцати–лѣтней же дѣвочкѣ оно было и вовсе не–подъ силу. Даруша потому останавливалась, откидывала голову назадъ, но тѣсто, облѣпившее руки по локти, перетягивало ее въ кадку, и она чуть не съ головой туда уходила. На зовъ отца, дѣвочка опять приподнялась изъ квашни. — Я здѣсь, тятя, тебѣ чего? спросила она

запыхавшись, стараясь удержаться на ногахъ.

— Ты чего въ кадку влѣзла, моешь ее, что–ли? спросилъ Иванъ, глядя на дочь, которая отъ устали едва переводила духъ; — смотри, сказалъ онъ шутя, — не протри въ квашенкѣ клепокъ.

— Я хлѣбы ставлю, важно проговорила Даруша, и опять ушла съ головою въ кадку.

Иванъ не повѣрилъ, всталъ со своего хозяйскаго мѣста, краснаго угла, въ которомъ стоятъ образа, и пошелъ въ куть, то есть въ стряпущій уголъ, что передъ печкой, заглянулъ въ квашню и изумился; дѣйствительно, его Даруша возилась съ тѣстомъ.

— Вѣдь она взаправду квашню мѣситъ, сказалъ Иванъ женѣ.

— Что станешь дѣлать? обѣщалась было невѣстка хлѣбы поставить, да не пришла, а Даруша сама охотилась, отвѣчала мать; — вѣдь, она малехонько заквасила, прибавила она, не подозрѣвая, что дѣвочка замѣсила ровно столько же, сколько обычно ставили въ этой квашнѣ.

Иванъ опять повернулся къ дочери; весело выглянувъ изъ квашни, запыхавшаяся Даруша проговорила: — вотъ я и кулачить стану! Но какъ ни тискали маленькіе кулачки тѣсто, а оно все таки упорно липло; ужь она разъ десять смачивала руки, наконецъ, измаявшись до нельзя, она одолѣла тѣсто, и оно отстало отъ рукъ, — знать, что готово и вымѣшано.

— Ай, да дочка, вскрикнулъ удивленный отецъ, — ай да работница! Чай, другой такой во всей деревнѣ не найдешь! Вотъ кабы деньги были, такъ ситцевый сарафанъ бы купилъ, право слово, купилъ бы!

Даруша смѣялась, потягиваясь и вытягивая изможденыя руки, а мать, лежа на печи, тихо радовалась на свою дочку.

— Ну, сказалъ отецъ, — теперь я и самъ справлюсь, истоплю печь да и хлѣбъ посажу.

На ту пору, къ больной хозяйкѣ зашла бабушка Матвѣевна, деревенская лекарка. — Спорина въ квашню, молвила она! На это пожеланье прибыли и довольства хозяинъ

отвѣчалъ такимъ же: — сто рублевъ въ мошну!

Бабушка пошла въ кутъ, посмотрѣла въ кадочку, погладила по головкѣ Дарушу, заглянувъ въ печь и увидавъ, что она протопилась, выгребла жаръ на шестокъ, то есть на площадку передъ устьемъ печки, потомъ загребла его съ шестка на лѣвую сторону въ загнетку и посадила хлѣбы.

Устроивъ это дѣло, лекарка взялась за умаявшуюся Дарушу, уложила ее на печь, натерла какимъ то снадобьемъ и укрыла тулупомъ; дѣвочка проспала такъ до вечера и встала какъ встрепанная.

Поздно вечеромъ, Матвѣевна опять понавѣдалась въ Иванову избу; семья сидѣла за ужиномъ. — Хлѣбъ да соль, сказала старушка, перекрестясь на образа.

— Ѣшь, да свой! опрометчиво крикнулъ ей шалунъ Карпуша.

Вслѣдъ за тѣмъ, раздались два глухіе удара, а потомъ ревъ: это отецъ училъ уму–разуму глупаго сына; — не взыщи бабушка на дуракѣ, промолвилъ Иванъ: — въ дуракѣ и Царь не воленъ!

— Ничего, родимый, потачки не даешь, выростетъ большой, дастъ Богъ, человѣкомъ станетъ; вѣдь онъ это такъ, на–балмашъ, не то чтобъ на зло молвилъ. Тихое слово старухи нѣсколько успокоило обиженнаго мальчика; встряхнувъ нависшія на лицо космы, онъ принялся за пустые или постные щи; чашку очистили, заѣли хлѣбомъ съ солью, запили квасомъ и, помолясь, разошлись на ночевую. Матвѣевна осталась у больной, легла подлѣ нея на печкѣ, ребята повалились на полатяхъ, а Иванъ, какъ хозяинъ, помѣстился на коникѣ, на той лавкѣ, что по стѣнѣ отъ двери упирается въ первый уголъ, который зовутъ коникомъ или койникомъ.

— Баушка, золотенька, скажи сказочку, затянули ребята въ голосъ; — скажи, баушка, умильно просила любимица ея, Даруша.

— Какія вамъ сказки подъ сочельникъ, отвѣтила старуха.

— Баушка, родименькая, ты хоть побывальщинку раскажи, ублажала ее

дѣвочка! — Хоть побывальщинку раскажи, тянули за нею въ голосъ мальчики.

— Да нишкните вы, крикнула на дѣтей сонная мать, — того и гляди ребенка поднимите!

— Баушка, золотенькая, протяжнымъ шепотомъ упрашивала Даруша; — бабушка, раскажи, шепотомъ–же повторяли мальчишки.

— А не сказать ли вамъ сказочку про бѣлаго бычка? насмѣшливо спросила старуха. Заслыша о докучной сказкѣ, ребятишки сердито отвѣчали, — не–надо, ненадо бычка!

— Ты говоришь ненадо, я говорю ненадо, а не начать ли съ конца, не сказать ли про бѣлаго бычка? (Дѣти молча пыхтѣли).

Бабушка сжалилась надъ ними: — вотъ то–то оно и есть, сказала она, — кабы не сложилась про докучныхъ дѣтей докучная сказка, такъ бы на васъ и удержу не было!

— А ты намъ, баушка, не сказку, а бывальщинку скажи, робко шепнула Даруша.

— Эхъ дѣвка, дѣвка! Какія у меня бывальщинки? мое то былое скоро быльемъ поростетъ! Развѣ вотъ что, расказать вамъ про господскіе затѣи?

— Раскажи, раскажи, закричали съ полатей.

— А вы нишните, ни гугу, мать разбудите, сказывать не стану. Ребятишки притихли и бабушка начала:

— Лѣтось, знакомый баринъ, аптекарь, куда я травы ношу, говоритъ мнѣ: принеси–ка намъ, Матвѣевна, къ сочельнику свѣжую ёлочку, только чтобы самую, какъ есть, свѣжую, не стоялую, чтобы не сыпалась; я, говоритъ, тебѣ за свѣжую полтинникъ дамъ. Ну, молъ, батюшка, коли пожалуешь, такъ жалуй, а это дѣло плевое, у насъ ихъ въ лѣсу не перечтешь. И вотъ, голубчики мои, завтра ровно годъ тому дѣлу будетъ: какъ поѣхалъ племянникъ въ Москву, я присѣла къ нему, да ѣдучи лѣсомъ, мы и вырубили ёлочку, кудрявую, зелененькую, ну, пониже тѣхъ будетъ, что у новой околицы, подъ старой елью выросли, а все же куда хороша. Племянникъ, спасибо, подвезъ къ самымъ

воротамъ; я взяла ель, а она выше меня, да вѣтвистая такая, что не втащить въ сѣни; стою, и не знаю, что мнѣ дѣлать, какъ вдругъ изъ дверей выскочатъ дѣти, да прямо на меня, кричатъ: «елка! елка!» А тутъ за ними лакей да баринъ, да еще господа, всѣ кричатъ: «привезли, елку привезли!» выхватили у меня ее да и поволокли въ комнаты, словно отцу родному обрадовались! Поднялся въ покояхъ содомъ: дѣти прыгаютъ, кричатъ, нюхаютъ елочку; ихъ баринъ изъ одной двери выгонитъ, а они въ другую влетятъ, и люди и господа словно ошалѣли; я было къ Марьѣ Карловнѣ за деньгами, а нянюшка говоритъ: какія деньги, до того–ли теперь, надо елку наряжать! А тебя, бабушка, сама–то велѣла чаемъ напоить. Господь, молъ, съ вами, какой сегодня чай, нонѣ сочельникъ, до звѣзды не ѣдятъ. Ну, твоя воля, инъ хоть такъ посиди. Вотъ и сижу я, сижу; зазвонили по всей Москвѣ, — ужь куда хорошо на Москвѣ благовѣстятъ, такъ въ тебѣ душенька–то и затрепещетъ отъ радости, а ноженьки сами собой тебя въ

церковь несутъ. Пошла я въ церковь, а она, матушка, биткомъ набита, что называется яблоку негдѣ упасть. Образа такъ и сіяютъ, свѣчь передъ ними видимо–невидимо, а святой ладонъ, словно туманъ, съ раздолу поднимается; стою я со свѣчечкой, да и не знаю какъ съ нею пройдти; баринъ, что рядышкомъ стоялъ, и спрашиваетъ меня: тебѣ, бабушка, празнику что–ли поставить? — Вѣстимо, родимый, да не протолкаюсь. Вотъ и взялъ онъ ее у меня и подалъ впередъ себя купчику, купчикъ, перекрестясь, барынѣ, и пошла моя свѣчка по наряднымъ все господамъ, и никто–то ею не побрезгалъ, и еще всякій крестясь передавалъ впередъ себя; кто же ее затеплилъ, того я и не видала. Куда, дѣтушки, хорошо въ Московскихъ церквахъ, наипуще же въ праздникъ Божій!

— Ну, бабушка, а дальше что, спросила дѣвочка.

— Дай срокъ, отвѣчала Матвѣевна, — все раскажу, ничего не утаю. Ну, пришла я къ господамъ, а ихъ никого не видать: баринъ съ барыней да съ сестрицей заперлись въ

покоѣ, убирать елку, а дѣтушки, какъ увидали меня, такъ и облѣпили: сказывай, дескать, деревенскую сказку; ужь я имъ и про Емелю–то, и про Лутонюшку, и про Жаръ–птицу, такъ вплоть до сумерокъ и проговорила. Вдругъ, въ другомъ покоѣ заиграла музыка; — какъ мои барчата взвизгнутъ, да бросятся вонъ изъ комнаты. Я заглянула имъ въ вслѣдъ, и, ужь что тамъ увидѣла, того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать! Словно солнышко въ покоѣ тамъ взошло! И начала старуха сказочнымъ складомъ описывать рождественскую елку: — Что не въ чистомъ полѣ, не на широкомъ раздольѣ, не подъ темными лѣсами и не на полѣ–полянѣ, не на высокомъ курганѣ, а на столикѣ точеномъ, на скатереточкѣ браной–шитой полотняной, стояло тутъ диво дивное, дерево ливанское, цвѣты райскіе, яблочки наливчатыя, орѣшки золоченые, и что ни на каждой–то вѣточкѣ, на каждомъ сучечкѣ стоятъ свѣчи воску яраго, и теплятся онѣ не теплятся, яркимъ полымемъ пылаютъ, на самой же маковкѣ три свѣчи горятъ, онѣ писаныя–

разукрашеныя, горятъ, горятъ да какъ выпалятъ, золотою пылью въ потолокъ выстрѣлятъ, и пошли онѣ вокругъ ели моей огнеметомъ бить, а она–то еще пуще прежняго свѣтится, величается!...

— Баушка, да райское то дерево, что свѣчами горитъ, развѣ это елка была?

— А то что же! отозвалась старушка, — бары затѣйливы, вздумаютъ–загадаютъ и репей разукрасятъ пуще алаго шиповника!

— Ну, баушка, сказывай, что еще? просила Даруша.

— Извѣстно что, и я тамъ была, пиво–медъ пила.

Заслыша извѣстную присказку, ребятишки забились подъ тулупъ, а отецъ эту сказку намоталъ себѣ на усъ и положилъ завтра, чѣмъ свѣтъ, ѣхать въ лѣсъ по елки, да попробовать съ ними счастья въ Москвѣ.

— Мама, этакъ никакъ нельзя! всхлипывая говорилъ маленькій Миша; а Саша сестра его тихонько плакала, а передъ

Софьей Васильевной матерью дѣтей стоялъ управляющій съ докладомъ, что нигдѣ нѣтъ елокъ, что онъ всѣ рынки объѣздилъ и ни одной не нашелъ, всѣ разобраны.

— Что дѣлать, заботливо сказала ему барыня, ѣду въ кондитерскую, быть можетъ тамъ куплю.

— Что у васъ за горе, что за бѣда приключилась? весело, входя, спросилъ Сергѣй Васильевичъ, дядя дѣтей; — Миша бушуетъ, а племянница моя потихоньку слезки роняетъ, что все это значитъ?

— Дядя, закричалъ Миша, бросаясь къ нему, — елки не будетъ! и нетерпѣливый мальчикъ громко зарыдалъ.

— Что, братъ, нашалилъ? спросилъ дядя Сережа, взявъ племянника за руки.

Софья Васильевна растолковала брату въ чемъ дѣло; не говоря ни слова, Сергѣй Васильевичъ, взялъ шапку, надѣлъ шубу, крикнулъ кучера и проскакалъ мимо сестриныхъ оконъ.

— Что же это будетъ, мама? печально говорила маленькая Линочка, нигдѣ нѣтъ елокъ, ни здѣсь, ни на Смоленскомъ!

Эмилія Ѳедоровна мать Линочки заботливо поглядывала кругомъ, но елокъ нигдѣ не было видно. Она была огорчена не менѣе дочери, тѣмъ болѣе, что по недостаточности своей не могла сказать, какъ Мишина мама: — поѣду въ кондиторскую и куплю; кондиторскія елки стоятъ не менѣе половины ея мѣсячнаго дохода.

— Мама, развѣ ужь совсѣмъ не вывезутъ болѣе елокъ? спрашивала Линочка, тихонько подергивая мать.

— Съ утра–то ихъ и много было, сказала торговка съ лукошкомъ яицъ, а вотъ теперь и повыкупили. Гляди, барышня, живо закричала она вдругъ, вонъ никакъ отъ Прасковьи Пятницы ихъ цѣлый возъ везутъ!

И подлинно, изъ–за толпы выѣзжала на возу зеленая рощица, Иванъ сидѣлъ на облучкѣ, похлестывая свою сивку.

Линочка запрыгала, захлопала въ ладоши; обрадованная Эмилія Ѳедоровна взяла дочь за руку и пошла на встрѣчу возу.

— Что, голубчикъ, спросила она ласково Ивана, — почемъ деревцо?

— Дай, барынька, полтинникъ, отвѣчалъ тотъ, вынимая первую попавшуюся ему подъ руку.

— Ахъ, дорого, вздохнувъ сказала Эмилія Ѳедоровна.

— Что за дорого! ты погляди–ка, матушка, вѣдь это цѣлое дерево; нонѣ на разсвѣтѣ срубилъ, гляди какое рясное! Иванъ тряхнулъ елку, которая была вдвое выше его, и поставилъ ее передъ изумленной Линой.

— Ахъ, мама, какое дерево! Ахъ, мама, это у насъ будетъ лѣсъ! Я никогда не видала такой елки! мама, сердце мое, купи мнѣ ее; папа и Мальхенъ такъ обрадуются!

— Возьми, любезный, тридцать копѣекъ, торговалась Эмилія Ѳедоровна.

Изволь, барыня, ради почину, давай ужь, такъ и быть, два двугривенныхъ; можетъ ты счастлива, такъ съ твоей легкой руки продажа пойдетъ! Дѣло уладилось, и первая Дарушина елка досталась нашей пріятельницѣ Линѣ, одной изъ самыхъ добрыхъ и милыхъ дѣвочекъ.

Кулаки, которые шнырятъ по каждому торгу и знаютъ всему цѣну, окружа Ивана стали давать ему кругомъ по четвертаку; одинъ, позадорнѣе другихъ, захватилъ возъ и сталъ уже сваливать деревья. Иванъ бросился къ нему и узналъ того самого кулака, который обидѣлъ его на дровахъ.

— Разбойникъ ты эдакой, закричалъ Иванъ, — это среди бѣла дня–то ограбить задумалъ! Нѣтъ, братъ, постой, здѣсь я съ тобою справлюсь! и пошла брань, чуть не до драки.

— Эй, дядя! елокъ спрашиваютъ! крикнула Ивану торговка.

Иванъ проворно сложилъ вываленныя ели на возъ, и отъѣхалъ съ ними отъ кулаковъ. Вторую, третью и четвертую елку продалъ по полтиннику, а видя, что покупатели на отбой разбираютъ ихъ, онъ запросилъ три четвертака.

— Что ты, съ ума что ли спятилъ, сказала ему бойкая ключница, — вѣдь на моихъ глазахъ по полтиннику отдавалъ!

— Дай–ка елку, сказала барыня, подъѣзжая къ возу. Иванъ проворно

выхвативъ ель, поставилъ ее передъ барыней; — покупательница улыбнулась на красивое дерево, достала кошелекъ и спросила, много ли надо?

Мужикъ нашъ почесался, тряхнулъ усмѣхнувшись головой и сказалъ: пожалуй, матушка, рубликъ!

— Дорого! сказала барыня.

— Еще бы не дорого, вскричала ключница, и за нею нѣсколько другихъ голосовъ.

— Эхъ, барынька, барынька, вздохнувъ промолвилъ Иванъ, — вѣдь и нужды то наши велики!

Покупательница открыла бумажникъ и, зорко глядя на мужика, сказала: я тебѣ дамъ рубль, а ты его отнесешь въ кабакъ?

— Нѣтъ, родимая, я съ лѣтнихъ Филиповокъ, какъ хмѣльной поморозилъ себѣ ноги, въ ротъ вина не беру! Подай, матушка, рубликъ, нужда велика: завтра разговѣться надо! Иванъ зналъ, что цѣна эта не въ мѣру высока, но онъ просилъ ее умильно, какъ милостыню.

Барыня подала ему рублевую бумажку, а онъ схватилъ своими рукавицами маленькую ручку въ пуховой перчаткѣ и поцѣловалъ ее, какъ бывало цѣловалъ руку своей старой барыни, когда та одѣляла своихъ деревенскихъ ребятишекъ пряниками.

— Елка! закричалъ какой–то англичанинъ, махая рублевой бумажкой: видя, что барыня заплатила рубль, и онъ далъ тоже. За нимъ уже дожидался другой покупатель, поговаривая: дорогонько! однако доставая кошелекъ. Сердитая ключница плюнула и отошла отъ воза. Елки быстро разбирались по рукамъ, осталась одна; ключница, не спускавшая глазъ съ воза, подбѣжала къ нему въ ту минуту, какъ подскакалъ баринъ и закричалъ: елка!

— Не извольте, сударь, брать, я ее сторговала, сказала она барину, взявшему дерево, — я четвертакъ тебѣ надбавлю, кричала она Ивану.

Баринъ молча разстегнулъ бумажникъ.

— Слышишь что–ли, голубчикъ, кричала ключница, толкая Ивана, — я полтора даю!

— Я дамъ два, проговорилъ подлѣ нея толстый баринъ въ енотовой шубѣ.

Первый баринъ, который уже держалъ елку въ рукахъ, вынулъ три рубля и подалъ изумленному Ивану; баринъ этотъ былъ дядя Сережа, очень обрадованный тѣмъ, что наконецъ нашелъ такое прекрасное дерево.

— Къ Софьѣ Васильевнѣ! крикнулъ онъ; кучеръ тронулъ возжами, снѣжная ископыть брызнула изъ подъ лихаго рысака, и дядя Сережа полетѣлъ съ дорогою елкой къ дѣтямъ, которые ждали его не отходя отъ оконъ.

— Видимо, пословица правду говоритъ: «Коли Богъ захочетъ, такъ и въ окошко подастъ», привѣтливо сказала торговка, на глазахъ у которой такъ посчастливилось Ивану.

Мужичокъ нашъ самъ себя не помнитъ отъ радости, у него вдругъ очутилось въ рукахъ десять рублей безъ гривенника! Что же впередъ всего онъ купилъ? Подумалъ–погадалъ Иванъ, повернулъ свою сивку къ съѣстнымъ возамъ, и купилъ къ разговѣнью и на всѣ праздники говядины, свинины и

солонины, потомъ заѣхалъ въ мучной лобазъ и взялъ пудъ пшеничной муки. Такіе праздники рѣдко достаются нашимъ мужичкамъ. Русь велика; есть губерніи, гдѣ крестьянинъ изо дня въ день безъ мяса, пшеничнаго хлѣба да хорошаго квасу не сядетъ за столъ; есть и такіе, гдѣ мясо ѣдятъ въ святъ день, и то за обѣдомъ, а пшеничный хлѣбъ только видомъ видали; въ будни у нихъ одинъ ржаной, да и тотъ по поламъ съ мякиной. Московскіе крестьяне, какъ говорится, средней руки, ѣдятъ когда съ припасомъ, когда и съ квасомъ. По закупкѣ харчей, у Ивана осталось еще рублей шесть съ небольшимъ; — ну, думаетъ онъ, — теперь въ красные ряды къ Ермолаю Ивановичу, надо Дарушѣ купить ситцу на сарафанъ. Купецъ Ермолай Ивановичъ былъ родомъ изъ сосѣдней деревни, къ нему съѣзжались крестьяне со всего околодка, онъ умѣлъ ихъ приголубить; онъ никогда не обсчитывалъ, не обмѣривалъ, не давалъ гнилаго товара за свѣжій, но за то, если покупатель шелъ купить платокъ, то Ермолай Ивановичъ умѣлъ уговорить его

взять два, да еще въ прибавку купить хозяйкѣ ситцу на рукава; были бы только у мужичка деньги, а товару да красныхъ словъ станетъ. Иванъ пришелъ за ситцемъ; ему подали, по словамъ хозяина, самаго чуднѣйшаго, развеселаго; когда же онъ полѣзъ было за деньгами, Ермолай Ивановичъ спросилъ его: — а хороши ли рукава у дочки? Рукавами называется та верхняя часть рубашки, которая бываетъ видна изъ сарафана, то есть грудь, спина и рукава сорочки. Иванъ отвѣчалъ: — изъ чего станъ, изъ того и рукава, купленныхъ рукавовъ у дочки моей не водится, ей впору и въ домотканинѣ ходить.

— Что ты, сосѣдъ, къ такому чуднѣйшему ситцу холщевую рубашку, да это вовсе не подходящее дѣло! Вотъ, бери остатокъ миткалю, дешево отдамъ, сказавъ это, купецъ завернулъ миткаль въ ситецъ, затѣмъ, раскинулъ женскій бумажный платокъ, красный, съ желтыми и зелеными разводами, — а вотъ и старушечій, темненькій, примолвилъ онъ, всего шестнадцать копеечекъ съ тебя возьму, ради

знакомства! Усмѣхнувшись, Иванъ махнулъ рукой и велѣлъ завертывать и ситецъ съ миткалемъ и оба платка. — Шапочекъ, шапочекъ! крикнулъ ему ходячій, суя въ бороду дѣтскія теплыя шапочки. — Экое дѣло! думалъ Иванъ: — вѣдь надо же и ребятамъ гостинцу свезти, не обсѣвки же и они у меня въ полѣ, коли сестрѣ, да матери, да бабушкѣ Матвѣевнѣ за труды везу гостинцу, такъ надо и ихъ потѣшить!

Накупивъ всякой всячины, Дарушинъ отецъ крѣпко завязалъ оставшіеся два рубля и, крестясь, весело погналъ сивку домой; а тамъ, въ избѣ его, никто и не чаетъ сколько радостей везетъ отецъ домой! Слава Тебѣ, Господи, что надоумилъ ты меня нарубить елокъ, сказалъ Иванъ.

— Слава Тебѣ, Господи, что выростилъ всякое зелье и всякое дерево на потребу человѣка, домолвила старуха–лекарка.

В.ДАЛЬ